

СИСТЕМА ПРАЗДНИЧНЫХ ПРЕСКРИПЦИЙ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ И ЕЕ ОБЪЕКТИВАЦИЯ В ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования РФ, грант ГОО-1.6-469.

Традиционная культура существовала в России как целостная система еще в нач. XX в. Культурная оппозиция «праздники - будни» определяла изменения миропорядка. Дialeктные словари фиксируют прескрипции, связанные с праздничной одеждой, пищей, комплексом развлечений. Словари отражают трансформацию культурной традиции.

Конец XX в., бесспорно, стал периодом подъема русской диалектной лексикографии. Областные дескриптивные словари в первую очередь фиксируют синхронное состояние культуры, но словари - это и способ диахронной трансляции культурной традиции этноса или какого-либо его слоя. Именно традиция придает нации устойчивость даже в периоды социальных потрясений. «При диахронной вербальной трансляции культуры в силу неэффективности, а иногда невозможности использования биологических средств хранения информации (воспроизведение по памяти) приходится оперировать прежде всего ее графической фиксацией» [1. С. 34].

Интерпретация мира в любом диалектном словаре полифонична за счет того, что она не ограничивается зоной толкования заглавного слова, что можно квалифицировать как словарный метауровень-2. Картина мира объективируется также и на словарном метауровне-1: и самим фактом существования лексемы в говоре, и иллюстративными контекстами, которые создают стереоскопичность областного словаря: здесь соседствуют, перекликаются, а иногда и противоречат друг другу многочисленные описания феноменов материальной и духовной культуры, какими они предстают перед самими носителями диалекта. Однако хотя уже неоднократно отмечалось, что именно областные словари и их картотеки содержат обширный цитатный материал из «первых рук», позволяющий увидеть, как представители этноса относятся к объективной действительности, диалектные словари как лингвокультурологические источники еще требуют своего осмысления.

Любой диалект функционирует в относительно замкнутой социальной группе. Среднеобские старожильские говоры, исследованные в томских диалектных словарях [см. список в конце статьи], - неотъемлемая часть традиционной культуры русских старожилов Сибири. Несмотря на то, что традиционная культура в силу резких социальных перемен, происходивших в XX в., ныне уже не действует как целостная жизнеобеспечивающая система (можно говорить только о сохранении некоторых ее черт и звеньев), она так или иначе объективируется говорами. Анализ томских диалектных словарей позволяет выявить многие аспекты крестьянского мировосприятия как способа духовного освоения среды.

Традиционное мировидение вследствие его религиозной основы предполагает противопоставленность быта и бытия, профанных и сакральных сфер. В темпоральном аспекте эта дуальная оппозиция имеет несколько воплощений, как, например, почти не описанная дихотомия **поста** и **мясоеда** и более изученная - **будней** и **праздников**. Система праздников, составляющих литургический год, - уникальное порождение

всякой национальной культуры. Именно праздники, наряду с языком, скрепляют этносоциальные общности и являются основой их самоидентификации. К рубежу XIX-XX вв. у русского этноса сложилась целостная и непротиворечивая система праздников и способов празднования (остатки чего мы можем видеть и на следующем рубеже веков): «ритуально-праздничная модель определялась преобладавшим тогда ритуально-аграрным производством и общинным укладом жизни крестьянского населения, а также бытовым православием, являвшим собой синкретизированный вариант православно-языческих обрядов, праздников, религиозных верований» [2. С. 313]. Данная модель своеобразно преломлялась русским старожильским населением Сибири (подобно тому, как существовали некоторые особенности праздников и празднования и у русских в европейской части России [2, 3 - 6]) при сходных общих чертах и элементах обрядово-праздничного комплекса.

Празднование - это вид коллективного поведения. При этом само празднование как таковое, или соблюдение праздника, - совершенно необходимый момент в любой культуре. Так, Т.А. Бернштам подчеркивает, что в русской деревне на рубеже XIX-XX вв. от участия в праздновании освобождались только маргинальные индивиды: «требовалось обязательное участие в празднике всех взрослых жителей села, являющегося центром праздничного события, за исключением больных (особенно пособоровавшихся), калек и старых дев. К уклоняющимся от праздников односельчане относились подозрительно или с крайним неодобрением» [4. С. 141]. Томские словарные материалы статистически достоверно подтверждают этот тезис: *«Козлы были, качеля виселась. На Пасху таки, на неделю [делали]. Молодёжь играет, а бабы, мужуки смотрют, сидят. Народ, народ поют, играют, качаются»* [КАЧЕЛЯ, V]¹; *«Покаместь молодёжь всё играт, пляшут, да так играют - они сидят, стары, смотрют на нас»* [ИГРАТЬ, 1., VI]; *«Раньше нельзя, чтобы после, а только на Паске качели. Всю Паску до воскресенья до самого все качаются»* [КАЧЕЛИ, IV]; *«Девки коровод водют. Человек по сту этот коровод был»* [КОРОВОД, I]; *«Круга собирают, всю деревню круг собирай, припевы всякие поют»* [КРУГ², II]; *«В Иван-Купала там шум шумел! Миру-то было»* [ШУМ ШУМИТ, VI]; *«А Иван-Купала - да наобливаются все девки да парни, хлюпаются»* [НАОБЛИВАТЬСЯ, V]; *«Масленка-все, и етиторы и молоды с горы катались», «А раньше все — и малы и стары в эту кошёвку как насыдут!»* [И СТАРЫ И МАЛЫ, И СТАРЫ И МОЛОДЫ, VI]; *«Масленка - всеобщий праздник. В последни дни на лошадях всю улицу*

заломют», «Вышли на вулису, глядим: едут. **Народу!** Всю вулису заломили» [ЗАЛОМИТЬ, 2., II]; «Гуляли девки, ребята, старики, все. Престол называлось» [ПРЕСТОЛ, 2., VII]; «Семь дён гуляли. **Вся деревня собралась**» [СОБРАТЬСЯ, VII]; «В основном **вся деревня, особенно в старый Новый год** диковала» [ДИКОВАТЬ, VI]; «Выходили **все: люду тьма-тьмущая, крес мочут, воду святят - в пролубь бух!**» [ПРОЛУБЬ, I]; «МКОЗ нышки носили из церкви **в каждый дом**. «Христос воскрес!» — пели, христосовались, это как бы поздравляйся» [ХРИСТОСОВАТЬСЯ, IV]; «На поле день работают, а вечером **все-все гуляют**» [ГУЛЯТЬ, VI]; «А праздник придёт, так **все наденутся**» [ПРАЗДНИК, VII]; «Праздники раньше выполняли **все**» [ВЫПОЛНЯТЬ, V].

Обязательность для всего коллектива праздничных форм поведения обоснована тем, что традиционная культура строится на невыделенное™ индивида из общины. Степень свободы индивидуальной интерпретации личностью общественных норм и установлений незначительна. Следовательно, любой момент бытия для социума тождествен, различается только быт, да и тот имеет много сходных черт. Еще раз повторим, что все выявленные далее праздничные прескрипции практически не знали исключений.

К. Жигульский отмечал, что собственно празднование состоит прежде всего в следующем: в общине прекращаются обычные занятия трудом, прежде всего в хозяйственной сфере деятельности; идут торжественные пожертвования соответственно характеру праздника; соблюдаются обряды, церемонии и обычаи, табу и праздничные предписания [7]. Что касается обрядов и церемоний, бытующих как ряд жестко связанных между собой действий, то они достаточно подробно описаны в XX в. этнографами и социологами. Праздничные же табу и предписания фиксируются в культуре прежде всего в виде устных вербальных текстов, которые ныне трактуют как часть устной традиции народа, понимаемой шире, чем собственно фольклор: «К устной традиционной культуре мы относим, кроме бытования традиционных фольклорных, музыкальных, поэтических и прозаических жанров, воспроизведение на память духовных стихов и легенд, принадлежность которых к фольклору не является бесспорной, пересказы и комментирование духовных произведений - устных и письменных, отчасти антропонимическую традицию, а также устные объяснения сохранения и разрушения религиозно-бытовых регламентации» [3. С. 91].

Кодекс праздничного поведения, существуя в той или иной крестьянской общине, никогда целиком не фиксировался данной общиной даже в устной традиции, так как с появлением института семьи он передавался подрастающему поколению методами непосредственного подключения к практической деятельности старших. Следовательно, текстовые праздничные прескрипции следует рассматривать как своеобразное преломление коммуникации и трансляции как видов деятельности в том духе, как их понимает М.К. Петров. И формальная, и неформальная коммуникация «всегда функционирует в режиме отрицательной об-

ратной связи, т.е. возникает там и тогда, где и когда обнаруживается рассогласование между тем, как оно есть, и тем, как ему должно быть с точки зрения принятой и зафиксированной в социокоде нормы. ... Как вид общения коммуникация по своей внутренней сущности нейтральна, ей безразлично, что именно закреплять и стабилизировать. Она всегда аргументирует от наличного состава и наличной структуры социокода, который для нее абсолютен всех объяснений и оценок, не требующий обоснования, неуместных вопросов зачем и почему» [8. С. 40-41].

Трансляция же - вид общения, направленный на социализацию входящих в жизнь поколений, на их уподобление старшим средствами соответствующих институтов и механизмов. Диалектные архивы в силу многих причин собирали и собирают исследователи, которые, с одной стороны, прошли процедуру социализации, но, с другой - не являясь членами диалектной общины, они не могут претендовать на «высокую степень подобия сторон общения». В результате провоцируемые ими тексты диалектоносителей в большинстве случаев и носят отмеченный маргинальный характер. Созданные на основе подобных текстов словари - уникальный источник для изучения прескрипций традиционной культуры. Так, томский диалектный архив собирается с 1947 г., старейший информант родился в 1867 г., и совокупность архивных записей позволяет говорить о том, что информантами осмысливается вековая история среднеобской деревни - от рубежа до рубежа столетий.

Последнее предварительное замечание будет касаться методики исследования. При анализе праздничных позитивных/негативных прескрипций, сохраненных в словарях, следует обращаться не столько к заглавным единицам, сколько к иллюстративной части словарных статей. Нужно учитывать, что большинство томских словарей - это лексиконы дифференциального типа, исключением стали только IV, VI и VII. Кроме того, лексикографируемые заглавные единицы (самостоятельные лексемы) - это сформированные культурой понятия, они связаны только с сущностными моментами окружающей действительности, собственно прескрипции ниже рангом, поэтому они не словесны, а текстовы.

* * *

Переход общины из профанного времени во время сакральное предполагает отмену повседневности и круга будничных обязанностей крестьянина, из которых основная - работа. Именно работа была главным нравственным долгом и центром крестьянской жизни вообще. Стоит, например, сослаться на ЛСГ «Русский труд как нравственная ценность» [9. С. 281-285], составленную при моделировании русской национальной личности. Хотя материал был выбран В.В. Воробьевым при анализе лексикографических источников, в нем все же актуализуются совершенно иные аспекты, нежели те, которые характерны для диалектных словарей. Контексты, приведенные в серии томских словарей, демонстрируют:

а) положительное отношение общины, разделяемое и говорящим, к старательным и умелым работни-

кам: «Он авторитетный такой был, потому что на цё бы ни взглянул - всё делал, **мастерица такой!**» [МАСТЕРИНА, VII]; «А наши как **работал!** У его, наверно, **лет сорок - только стажу**» [КАК, II.4., VI]; «Дед, отец мой **труженики** были. В колхозе и до колхозу всё здесь жили, и я тут коло них вырос» [ЫРАСТИ, I.VII]; «И дети не скажешь, что плохи, все **труженики, все трудится**» [ПЛОХОЙ, 2., VII]; «Они **молодцы** шибко работать, с огня **реут работать**» [РВАТЬ • РВАТЬ С ОГНЯ, VII]; «А отец мужчина был видный да красивый, **работящий. Работал здорово**, нас подгонял», «Я вот помоложе была тоже **работяца**, шибко свекровка за работу хвалила» [РАБОТЯЩИЙ, IV]; «Я смолоду ещё така **работящая** [была], всё в руках горело» [ГОРЕТЬ • ГОРЕТЬ В РУКАХ, VIII]; «У нас отец был очень хороший, не ругательник, скромный, **работящий, беспредельно работящий**» [РАБОТЯЩИЙ, VII]; «Мужик-то мой **рабочий**, не петуший, в колхозе куда поишют, там и работает» [ПЕТУШИЙ, VIII]; «Парень такой **рабочий**. Ему шестнадцать нонче идёт» [РАБОЧИЙ, 6., VII]; «Вот по молодости добр я был и девкам люб, и на **работу споркий**» [СПОРКИЙ, V]; «У него мать была така, **работяга шибко**. А их **всех перевышала** [в работе]» [ПЕРЕВЫШАТЬ, VII]; «Теперь зрение плохо... Раньше хорошо работала. Раньше любого бы **мужика за пояс заткнула**» [ЗАТЫКАТЬ, VIII]; «Я такой **службистый** был. Что мне поручили-я плохо не сделаю» [ПОРУЧИТЬ, VII]; «Сколько я пережила, сколько **переработала**. Это всё отразилось теперь наверно. На полях **не хочешь, чтобы тебя кто-то обогнал**. А всё хочешь, чтобы боле сама себе сделала» [КТО-ТО, 2., VI]; «Потом собрание — и ударники. Нам по чулочкам дачи. А мы трудились таку беду! А чулки получили. **Премия**. Вот и стремились к чему. Для похвальбы, чтоб **похвалили**» [ПОХВАЛЬБА, VII]; «Я шибко **работач** крепко, на **почёте был**» [КРЕПКО, VI]; «Когда здоровье было, так **был на почёте**. За кажную работу **знамя получал**» [ПОЧЁТ • БЫТЬ НА ПОЧЁТЕ, VII]; «Старичка **премировали** за посевну - **много хлеба высеял**» [ПРЕМИРОВАТЬ, VII]. Иное поведение оценивается совершенно однозначно: «**Мало работат**, много гуляет — лодырь, гулеван, пьяница. Хулиган, подлец» [ПОДЛЕЦ, VII];

б) высокую оценку особого умения в каком-то деле: «Я **удала была** косить» [УДАЛЫЙ, II], а также широкий спектр трудовых навыков у какого-либо человека: «Я, бывало, в молодости **велика работница** была: на **рыбалку** и на **покосе**. У-у-у!» [ВЕЛИКИЙ, V]; «**Все работы** были мои: за **посевную** получал знамя, за **покос** получал знамя, на **лесозаготовках** был» [ПОКОС, VII]; «Ну я, признаться, по-крестьянски, вот что в деревне требовалось, **все работы, хоть чё делал**» [ПО-КРЕСТЬЯНСКИ, VI]; «Работу всю в очередь **делаешь, каждый всяку работу испытат**» [В ОЧЕРЕДЬ, V]; «В колхозе **всяку работу робила**: и косила, и стога метала, лес резали» [РАБОТА, IV];

в) объективацию сроков вовлечения младшего поколения в трудовую жизнь семьи, т.е. темпов его социализации: «Раньше **единолично жили, сразу в работу брали** [детей]: надо было караулить, чтоб в

поля чужие не вошла скотина» [БРАТЬ В РАБОТУ, V]; «Я **сызмальству работал**» [СЫЗМАЛЬСТВУ, V]; «Хлебопашеством **занимался**, хлеб сеяли. **Сызмалства** и сам этим **занимался**» [СЫЗМАЛОСТИ, СЫЗМАЛЕТСТВА, СЫЗМАЛЬСТВА, VII]; «Отец мой **сызмалых лет пошёл по работникам**» [СЫЗМАЛЫХ ЛЕТ, V]; «**Работали с малолетства**, как собаки. Счас можно жить» [СОБАКА • КАК СОБАКА, VIII]; «У нас все ребяташики с **детства косить** уже **умели**. И семье подмога, и колхозу потом» [ПОДМОГА, I., VII]; «Я с **семи лет** закалённый - сено **косил**» [ЗАКАЛЁННЫЙ, VII]; «**В семь лет** - уже **боронили** А сейчас в семь лет он ешо в яслях» [СЕМЬ, VII]; «**Девять лет** мне стало — я уже работал, в **работниках жил**» [РАБОТНИК, 4., VII]; «С **девяи лет** я уж е **работе была**» [РАБОТА • В РАБОТЕ (БЫТЬ), V]; «Мой покойничек папа меня **учил с девяти лет косить**» [ПАПА¹, VII]; «Я с **одинадцати лет** стала хлеб **печь** - сама старша была» [ПЕЧЬ¹, I, VII]; «**В двенадцать лет** я уж стала за сеном **ездить**, с бабушкой... На покос всех, и маленьких, брали» [СЫТЕНЬКИЙ, V]; «Начал **охотничать с семнадцати лет**» [С, СО, 7., VII]; «Прошло пять-шесть лет уже, мы подросли, нам стало **по семнадцать да по восемнадцать лет**. Тут мы уже в **полной силе** стали **работать**» [ПОЛНЫЙ, 5., VII], а также и конец трудовой деятельности: «Мне уже **девяносто второй год**, а всё в колхозе был. Чужое не едим, к людям не ходим: всё своё. Даже детей маленько поддерживам. - Ты уж не хвастай: «Поддерживам!»» [ПОДДЕРЖИВАТЬ, 2., VII];

г) многочисленные свидетельства интенсивности обыденного крестьянского труда: «А уж после этого дня, **посля празднику** как начинали работать, так от зари до зари, **по пути, работали**» [ПОСЛЯ, VI]; «А в будни будь добра, иди [работай] **каждый день допоздна**» [БУДЬ ДОБР, 2., VI]; «А работали как? **Круглыми сутками**» [КРУГЛЫЙ, 2., VI]; «Бывало, **солнышко только всходит**, на рысах на работу бежишь. Ребятишки и мать не видют. И так без подгяду растут» [ПОДГЛЯД, V]; «Работали раньше: **солнце встаёт** - на работу, **закатится** - с работы. Счас до пяти поработал - **пошёл**» [ПОРАБОТАТЬ, IV]; «**Работали, пока солнце на закатится**. Другой раз солнышко закатывается, а тебя ешо посылают» [ЗАКАТИТЬСЯ, VII]; «В совхозе так не работали. В совхозе уже работали как-то до шести часов или до семи, а в колхозе - там **покаместь солнышко**» [ПОКАМЕС(Т)Ь, VII]; «Раньше-то ни (о)дного выходного не давали. И ни субботу, ни воскресенья никакого. Всё лето **запрёшься на поля**. С **восьми утра и до восьми, до девяти вечера**. Вот как отдыхали, только и **вотдых был** - перерыв, пока обедам, да искупаться сбе^гам, **можеть**» [ПЕРЕРЫВ, 2, VII]; «**Свету не видали**, всё **работачи**» [ВИДАТЬ • СВЕТУ НЕ ВИДАТЬ, VI]; «Раньше уж шибко работали, как в колхоз пошли. На часы не глядели, **от свету до свету**» [СВЕТ • ОТ СВЕТУ ДО СВЕТУ, VIII]; «С **тёмного до тёмного трудились**» [ТЁМНЫЙ • С ТЁМНОГО ДО ТЁМНОГО, VIII]; «Работали уж мы те года - **горбушка мокрая**, а счас **прохладство**» [ПРОХЛАДСТВО, VIII]; «Жили, **работали, как бурлаки**» [БУРЛАК,

VIII]; «Целый круглый год мы **в работе**, всё равно, как **волы** были» [ВОЛ, VIII]; «Косить заставят - **бока наломашь**» [БОК • БОКА НАЛОМАТЬ, VIII]; «Мы не считались с **тяжелой работой**» [СЧИТАТЬСЯ, VII]; «Это сейчас все дома. А то, когда колхоз, **никого же дома не было**, все были на полях, и на полях, и на полях» [ПОЛЕ¹, VII]; «А **робили!** Вот како удовольствие было! **Дохнуть не давали**» [ДОХНУТЬ НЕ ДАВАТЬ, VI]; «Работали сперва-то, вот как работали, **спасу не было никакого**» [НИКАКОГО СПАСУ, VI]; «**Робили** мы, когда молодцы были, **никакого покою не видали**» [ПОКОЙ, VII]; «Работников не имел, а поденщина была... Мы к десяти часам **так нарабotaемси, что рот разевам**. Середь дня ткнёси на полчаса, и опять работать» [ПОДЕНЩИНА, ПОДЕНЩИНА, IV]; «Венчались мы в Нарымской церкви... Как повенчаться - **только и знат, что работа да работа**» [ПОВЕНЧАТЬСЯ, IV]; «А где же тут в колхозе **лёгка работа?** Ну на махорку пойдёшь, а там земля, как пол» [ПОЛ, 1., VIII]; «В колхозе **не покладя рук трудились**», «Работали, **рук не покла, бывали**» [РУКА • НЕ ПОКЛАДЯ РУК, РУК НЕ ПОКЛАДЫВАТЬ, VIII]; «Знаю токо про отца, что он **работал здорово** и нас заставлял. Очень даже. **Не покладая рук**» [ПОКЛАДАТЬ • НЕ ПОКЛАДАЯ РУК, VII]; «**Ни декретов, ни отпуску не было, ни часов не было, сколь работать**, а работали, как кони: и землю копали, и хлеб возили, и клали» [КОНЬ, 1., VIII]; «Теперь скучно, как раньше было. **Работали во[^]чень тяжело**, а жили весело» [ВЕСЕЛО, 2., VI];

д) последствия тяжелого труда: «Зиму-то промолтила, а на Пасху-то **вся кожа от колен до почвей отстала**. Стану к рукомошке руки помыть да обратно - не дальше. **Отпадают кожа лоскутьями**» [РУКОМОЙКА, IV]; «Раньше **цё-то** заболит у молодых - полечил, зажило, а теперь **организма слаба, изроблено всё**, измучено, изношено» [ИЗРОБЛЕННЫЙ, VI]; «Детей растила. Работала маслоделом, дояркой. Тут заболела, **день и ночь работала, угробила себя**» [УГРОБИТЬ, 2., VIII]; «До шестидесяти двух лет мантилила на полях, а счас, как **всю здоро²вью потеряла** на полях, так никому не нужна стала», «Сам слепой, **всю здоровью потерял** в колхозе. Фронтовикам всё набавляют [пенсию], а колхозникам - нет» [ПОТЕРЯТЬ, VIII]; «Он не так **урабо; танный**, как я» [УРАБОТАННЫЙ, И].

При подобном положении дел сущность сакрального времени, его инакость, подчеркивалась не просто отменой работы, но прямым ее запрещением. Именно отношение к работе становилось важнейшим способом установления ранга праздника в данной общине (или в культуре в целом), так как реальный статус праздника не всегда совпадает с официальным²: «Теперь в эти праздники до века **не буду работать**» [ДО ВЕКУ, I]; «В Ильин день **не робили, итдыхали: праздник грозный, с грозой**» [РОБИТЬ, II]; «Вот эти праздники, даже Ильинскую пятницу - и **ту не работали**» [ИЛЬИНСКАЯ ПЯТНИЦА, VII]; «Дальше Ильин день, Ильинская пятница - **грозна, грозой убивает, нельзя работать**» [ГРОЗНОЙ, V]; «Неделю **работать** на поля увезут, в субботу кончается. С обеда -

в бане вымоется, в воскресенье **никто не работат**» [КОНЧАТЬСЯ, 1., VI]; «Косили литовками. В воскресенье **не работали: грех** было. А в понедельник опять едем на елань» [ГРЕХ, VI]; «В этот Петров день мужики **работали**, а как к вечеру с прискочкой, кто пешком, кто как домой» [ПРИСКОЧКА • С ПРИСКОЧКОЙ, VI]; «**Рабливали** в испожин день» [РАБЛИВАТЬ, I]; «Микита в праздник **пошёл кошенину грести**» [КОШЕНИНА, I]. С другой стороны, излюбленная народом масленица никогда не признавалась православной церковью («Масленка не считается праздником» [СЧИТАТЬСЯ, 2., VII]), в результате в первую половину масленичной недели развлечения предавались только дети, а взрослые могли влиться в праздничный мир только с четверга или пятницы: «А в четверг уже вечером... с обеда собираются там девки, ребята. Катаются уже на катушке. Санки **таки были**» [САНКИ², 2., VII]; «Масленку праздновали три дня, а это, по сути дела, там считается, что она с пятницы начинается» [СЧИТАТЬСЯ, 2., VII]. Кроме того, значительные светские праздники, которые принес XX век, также объявлены нерабочими днями: «Теперь не работают в этот день. Ну, что раньше, не знаю, как» [РАБОТАТЬ, 1., VII]. По большим праздникам крестьянин производил только те действия, без которых его хозяйство понесло бы непоправимый урон: так, например, не прекращался уход за скотиной: «Паска. Восемь дён **ничё не делали, только ели да конев кормили**» [ПАСКА, VI]. Иное поведение считалось не только предосудительным, но и прямо наказуемым: «Как-то раз мужик из нашей деревни поехал в Ильин день на покос. Сметал стог, как молния освещала, так стог мужика загорелся» [ОСВЕЯТЬ, V].

Проживание нерабочего, праздного времени и было состоянием праздника. Это зафиксировано и на понятийном уровне - в среднеобских старожиловских говорах есть не только единицы 'работа', 'работать', 'рабливать', 'робить' ('изробленный'), но и 'праздник', 'гулёбный праздник', 'сьезжий праздник', 'престольный праздник', 'держать праздник', 'праздновать', 'праздничать', 'религиозничать', 'справлять', 'гулять' [11]. А как известно, обилие синонимов и производных, обозначающих одно понятие, свидетельствует о важности его для данного языкового коллектива. Проживание сакрального времени предполагает изменение всего профанного мироустройства на праздничное посредством некоторых обязательных действий. Вначале данные действия должны были обеспечить залог повторения в нынешние времена упорядоченности и изобилия исходного времени первотворения (утопии «золотого века»), как считает М. Элиаде, но, видимо, затем это стало также и способом маркировки сакральности проживаемого момента. Дихотомичное деление всего мира на сакральные и профанные сферы в рамках традиционной культуры универсально, и праздничные изменения касались практически всех сторон окружающей действительности.

Прежде всего менялся внешний облик и мужчин, и женщин, подобная трансформация совершалась посредством перемены **одежды, обуви, головных уборов** и появления **украшений**. Приведем очень яркие

контексты, которые демонстрируют степень жесткости данных предписаний и способы их выполнения: «В одежде раньше разной ходили. Всяка на деревне была: **для стариков, для молодых, для работы**. По праздникам надевали празднишну, в будни - буднишну» [БУДНИЧНЫЙ, IV]; «**Пасху шесть дён гуляли. Каждый день перемённо платье было**» [ПЕРЕМЕННЫЙ, VI]; «Вот как праздник придёт **Петров день. Ой! Все нарядны: и старый, и малый**. Везде по завалинкам сидят, как маки, цветут» [МАК, VIII].

У носителей традиционной культуры существовало непреложное строгое деление на рабочую и праздничную одежду, и последняя использовалась крайне редко не только в силу того, что крестьянские будни были наполнены тяжелой и часто грязной физической работой, а именно из-за своего статуса. Каждый предмет одежды принадлежал либо сфере будней, либо миру праздника, и нарушение этого вызывает негативное отношение (ее *Сейчас не разберёшь: на работу она снарядишась ачь на праздник*) [СНАРЯДИТЬСЯ, II]; «Ездит без работы, начешется, наглядится, намодится и парусит по деревне» [ПАРУСИТЬ, VIII]). Культурная же норма представлена следующими словарными контекстами: «А мы одевались чё только **в праздники**. А то весь в заплатках, как всё одно бродяга» [БРОДЯГА, VIII]; «Обладит, обделат так и **в праздник вылупится**» [ВЫЛУПИТЬСЯ, II]; «Мужики как разодедутся в дипломаты **на свадьбу, а то на именины**» [ДИПЛОМАТ, II]; «Азямы были **выходны, на праздник** надевачись» [АЗЯМ, I]; «Серяки. Сейчас льята носят, а раньше серяки. Посвободнее шили, ходили в них всегда, а в полях **только в праздник**» [СЕРЯК¹, V]; «Раньше платья шелковыми нитками вышиты, бурмус как полупальто, сверху был нашит всякий бисер, они шились широки, спинка прямая, **только по праздникам и носили**» [БУРМУС, II]; «**Празднишны платья** два-три было сатиновых. Гарс - шерстяное платье, редко у кого было, всё больше у богатых» [ГАРС, V]; «Ситцевые платья **выходные** были, а шерстяных и не слыхивали» [СИТЦЕВЫЙ, IV]; «Ватница — нижняя юбка трахмальная **в праздник**» [ВАТНИЦА, VII]; «Были платья кашемировы, шёлковы [...] Нижняя юбка **празднишна**, белая. Шилась из кашемира» [КАШЕМИРОВЫЙ, IV]; «Шаровары были, плюшевы штаны, **по праздникам**. Это у богатых. Чёрный такой плюш» [ПЛЮШ, VII]; «Рубахи шили, ворот вышивали и рукава, а потом сымут её, опять **лежит до праздника**. Примараётся - вымоешь, выстираешь» [ВЫМЫТЬ, IV]; «Котора холщова была [рубаша], котора ситцева. Ситцеву по тридцать лет берегли: **в церкву сходишь, обдуешь да положишь**» [ХОЛЩОВЫЙ, IV]; «Туфаек не было. Плюшевы и не нашивали, их **в праздник надевашь...** У меня у сестре сак был» [ПЛЮШЕВЫЙ, IV]; «Бурки были **праздничны**, белы, конечно. **В тако, в рабоче [время] уже не ходили**» [РАБОЧИЙ², 4., VI]; «Фаншонка чёрна шёлкова на голове была; курсировала - молодато была. **Петровки-от** три дня гуляют» [КУРСИРОВАТЬ, V]; «**В праздник** шали белы носили. Пуховы, мяконьки были, пушисты, пух хороший был» [ПУШИСТЫЙ, 2, XVIII]; «**Праздничны** шали пухоз

вы, в будни ну шерстяны, еслив свяжешь её на спицах» [СПИЦА, VII]; «**В праздничек** котеточки кашемировы, шёлковы, вязаны, небольшие, светасты. Баско глядеть в **праздничек**» [БАСКО, I]; «Тут уже была бархатинка. **Только в праздник**. Платок булавкой скалывали» [БАРХАТИНКА, VII]; «**Токо в праздник наденешь** ленточку, гребёлочку. Хороше берегли всё» [ГРЕБЁЛОЧКА, VII]; «Платыце, и гребёлку, и ленточку, и ботиночки **токо к празднику наденешь**. А в будни - в чём попало. Рабоча одёжа» [ЛЕНТОЧКА, VII]; «Подпоясывались пояски из шерсти, а **празднишны** были пуховы» [ПОДПОЯСЫВАТЬСЯ, IV]; «Кушаки - это **в праздник одевали**» [ОДЕВАТЬ, 5., VI]; «Мама к **Паске** сидит шьёт, покрасим дубом, а ненадолго, один ошкур остаётся **от брюк**» [ОШКУР, VI]; «**К Пасхе Христовой** сошьёшь юбку, окубишь её какой-нибудь краской» [ОКУБИТЬ, V]; «**Паска** подойдёт, платьишко сошьёшь **обязательно**» [ПЛАТИШКО, ПЛАТЬИШКО, ПЛАТЧИШКО, VII]; «Раньше говорили так - выходицы - **выходная обувь**» [ВЫХОДИЦЫ, V]; «Были **празднишны** выходки, пимы. Обутка была всякая» [ВЫХОДКИ, II]; «Красивы были, коричневые, обшиты были вышивкой и... Это дороги таки пимы были. **Празднишны, не рабочи**» [ПИМЫ, VI]; «Раньше видите, как: уж еслив она **празднишна** вобувь, то её **по праздникам и одевали**» [КАК, II.4., VI].

Будничное время было связано не только с плохой (старой, простого кроя или дешевой), но и самодельной одеждой, которую шили в основном из домотканого же холста. В праздник предполагалась дорогая, покупная одежда, чаще всего ее привозили из города: «Азя,и восенью наденут, вниз тюфайку, чтоб тепле. По праздникам носичи новы, **в городе куплены** были» [АЗЯМ, VI]; «Азямы **в городе покупали**, без подклади» [ПОДКЛАДЬ, V]; «В праздник наденешь **базарно**, а на работу всё холщово» [БАЗАРНЫЙ, II]; «В **праздник базарненко** оденут» [БАЗАРНЕНЬКИЙ, V]; «**Базарно** только некоторые в праздники носили. Сапог они не нашивали. А ичиги и чирки» [БАЗАРНОЕ, V]; «Рубахи работали из холста - холщовы. На **праздник базарны** рубахи были» [ХОЛЩОВЫЙ, IV]; «По **праздникам материсто** носили» [МАТЕРИСТЫЙ, II]; «**Товару прикупили** на **праздну** одежду» [ПРИКУПИТЬ, II]. Будни же, как сказано, имели свою униформу: «Раньше **в будни** все холщовы кохты и юбки носичи, инур был нашитый» [КОХТА, II]; «Коты носили, **в будни** чирки» [КОТЫ, I]; «А **фартуки**, они не слазят и счас, **праздничный** вышитый. Кто кружева пришивает. Едак с кружевами. Да долгучий, а **такой [будний]** - чёрный, кашемировый» [СЛАЗИТЬ², 3., VI]; «Платья хорошие носили. А **в будни** - как есть, так в ём и ходили» [БУДНИ, VII]; «По тому время чё было, то лучше надевали. А **в будни** как попало» [КАК ПОПАЛО, VI]; «**Дома управлялись** в холщовых юбках» [УПРАВЛЯТЬСЯ, I]; «Только те были **празднишны** кушаки, а поясок **на работу**» [ПОЯСОК, V]; «**В будни** в чём попало, в заплатках ходили, починят, а в **праздник-то** **выфрантятся**» [ПОЧИНИТЬ, VII]³.

Следующая яркая ипостась праздничного времени связана с **пищей**, хотя картина при этом осложнялась

еще и наличием второй культурной оппозиции «пост - мясоед», весьма значимой в православии [12]. В период праздника менялся либо набор дозволенных продуктов: «*Масленицу справляли с мясокусного воскресенья, пришёл понедельник - не стало мяса*» [ПОНЕДЕЛЬНИК, VII]; «*В пост постничали, молочно не ели*» [ПОСТНИЧАТЬ, VII]; «*Витушки — это постные, а калачи - те скоромные*» [ВИТУШКИ, VI]; «*Масленка пройдёт - пост начнётся. Семь недель всё постное ели: рыба, картошка*», «*Весь Великий пост блины постные ешь. Ничего скоромного не дают. Скоромное - мясное, молоко*» [ПОСТНЫЙ, IV]; «*Всё равно блины пекли, кода пост, постны блины пекли. Также яйца не били, молока там тоже нету, а на постном испекут*» [ПОСТНЫЙ, VII]; «*В пост варили крупу, кашу, картошку. Суп постный - крупа «рыбий глаз», парёнки делали из брюквы — парили брюкву в корчажке, пироги с грибами*» [РЫБИЙ ГЛАЗ, VI, XVIII], либо, как и в рассмотренных выше случаях с одеждой, менялось качество того же самого продукта питания. Так, например, мука, из которой пекли хлеб, на праздник была белой: «*По будням хлеб аржаной пекли*» [БУДНИЧНЫЙ, IV]; «*Всё большо свово, пшеничного стряпачи. На густо сито просеешь. К празднику из такого вот стряпали хлеб*» [ГУСТОЙ, 2., VI]; «*Хлеб дешёвы, его и переводют [скоту]. Сами пекём по праздникам хороший хлеб. А счас сдави [магазинный] - не выпрямится, так лепёшкой и будет церствовать*» [ВЫПРЯМИТЬСЯ, VI]. Следует отметить еще одно обстоятельство: летние будни для крестьян были связаны с напряженной работой вне дома, и у хозяйки хватало времени на приготовление только самой простой пищи: «*Но вот уж в летнее время, конечно, мало кто стряпал. Как старуха кака дома — дак только постряпат, а то хлебы испекут да на паишню поедут*» [ПОСТРЯПАТЬ, IV].

Резкая перемена, связанная с праздничным столом, подчеркивалась позволением употреблять алкоголь. На рубеже XIX-XX вв. дело касалось прежде всего самодельного пива: «*Пиво редко варили, по время койда*» [ВРЕМЯ • ПО ВРЕМЮ, VI]; «*В праздники пиво варят, солод варят. Братишину складывают*» [БРАТШИНА, II]; «*Пиво на праздник варили, бражку заводят и пьют*» [ПИВО, IV, ЗАВОДИТЬ, VI]; «*Я сам не гуляка, но и у меня такой грех был: в праздники вот выпью*» [ВЫПИТЬ, 2., VI]; «*Покров ещё бават - выпьем. [А] теперь как чуть, так вытываем*» [ВЫПИВАТЬ, IV]; «*Вот вчера побаловался маченько [выпил]: Петров день*» [ПОБАЛОВАТЬСЯ, 2., VII]; «*Сёдня праздник, надо выпивку*» [ВЫПИВКА, VII]; «*Сильно пьёт. Головы нету на плечах, что? Каждый праздник надо выпить*» [ПЛЕЧО • (НЕТУ) ГОЛОВЫ НА ПЛЕЧАХ, VII]. С середины века традиция домашнего пивоварения пресеклась, изготавливать стали более крепкий самогон: «*Праздновали тоже, самогонки нагонют и гуляют целую неделю*» [САМОГОНКА, IV]; «*Вина не покупали, всё гнали самогон иль каку медовуху, бражку тут*» [ГНАТЬ, 2., VII].

Праздник был связан с особыми блюдами (вплоть до ритуальных, например, сырной пасхи, называемой в среднеобских говорах «сыром», куличей, блинов, курников): «*Стряпали, яйца красили, сыр делали на*

Пасху. Служат всю ночь в церкви, поели утром и спать начинают ложиться» [СЫР, VII]; «*Паска из теста, ходят в церкву с паской этой, пекут в посудине*» [ПАСКА, 2., I]; «*Мы паску, я сама даже, стряпаем к Паске. А так, вздумашь, так к любому празднику испечи можно*» [УМСПЕЧМ, V]; «*Я вот дома прошлогодного года скоко пасок напекла и три десятка яиц окрасила*» [ПРОШЛОГОДНИЙ • ПРОШЛОГОДНЕГО ГОДА, VII]; «*Паску стряпали, яички набивают, масло коровно кладут*» [ПАСКА, 2., VI]; «*На Пасху яйца красили, куличи пекли*» [КУЛИЧ, VII]; «*Как батюшка запел «Христос воскрес», мы, значит, это... Ну, короче, яички крашены, по-моему, это какой-то куличок мало-маленький*» [КУЛИЧОК, VII]; «*То блины постряпаю... завачались где-то, в родительский день гости не съели*» [РОДИТЕЛЬСКИЙ • РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ, VII]; «*На масленку блинов напекёшь, маслом польёшь, едят, за уши не стащишь*», «*А когда масленка идёт, мяса уж не едят, а всё масляно, молочно*» [МАСЛЕНКА, IV]; «*Петров день вот будет двенадцатого, это будет праздник, тут тоже уж стряпали всяко*», «*К праздникам стряпаются, готовятся*» [СТРЯПАТЬ, СТРЯПАТЬСЯ, VII]; «*Я себе часто, кода праздник, на два, на три яйца изделаю [хворост], вазу накладу*» [НА, 16., VI]; «*По праздникам затевали тесто, пекли блины, пирожки*» [ЗАТЕВАТЬ ТЕСТО, VI]; «*Стряпали вахли, пустышки [к празднику]*» [ПУСТЫШКА, VII]; «*Воскресенье придёт, пирожки стряпашь да шанежки*» [ШАНЕЖКА, I]; «*Раньше всякие-то печенья к празднику только. А счас-то в достатке, каждый день стряпают*» [ДОСТАТОК • В ДОСТАТКЕ, VI]; «*А на праздник печенье, пряники, заварушки, пышки сдобны*» [СДОБНЫЙ, VII]; «*А там уж, кода Паска, тут уж и напекут, и наварят, и всё в жирах, и всё на свете*» [СВЕТ² • ВСЁ НА СВЕТЕ, VII]; «*Паску дождутся - варят всё, жарют-парют тогда, и всё там, рыбу и мясо, хоть чё ешь*» [ЖАРИТЬ-ПАРИТЬ, VII]; «*Седьмого января будет Рождество. Стряпают скоровородное*» [СКОВОРОДНОЕ, VII]; «*Каравай - сладкий пирог на менины кода*» [КАРАВАЙ, V]; «*Стряпали пироги с узюмом на свадьбу*» [УЗЮМ, VI]; «*На свадьбу-то вахли стряпали, вахачьна доска была*» [ВАХЛИ, II]; «*Когда к венцу собираются, ставят свечи. Светочками курники нарядают. Курник длинный, вроде как гуся из теста делают*» [КУРНИК, I]; «*Пекли на свадьбу курник. Сварют курицу и накладывают, цветами украшают*» [КУРНИК, IV]; «*На третий день [свадьбы] был куреньков пирог, молодуха пекла*» [КУРЕНЬКОВ ПИРОГ, V].

Часто в праздник приготовление пищи поручалось более опытным людям, а то и просто дополнительным работникам, так как требовалось большое количество еды для приглашенных гостей: «*Прямо так это хворосты стряпать. Ну, корзиночка порядошина така у меня, целу корзиночку стогом. Дак таки два таза стогом настряпали. На свадьбу-то много надо*» [СТОГ, VIII]; «*Молодёжу собирают [проводить], всех угостить надо, за голый стол не сажала*» [ГОЛЫЙ, VIII]; «*По простым праздникам сами стряпали, а на свадьбу или на поминки стряпку звали*»

[ПО, 17, VI], «Пирог, мясо... А свадьба так свадьба, **стряпку нанимают**» [СТРЯПКА, III]; «На свадьбу как-нибудь старуху **приглашали**, вот она и **стряпает** — её стряпкой и называют», «Особые стряпачи пироги с узюмом, на свадьбу стряпали печенье тако красиво. Ну, **стряпки** стряпают, которые умеют да и не умеют, работы много, **со стороны приглашали**» [СТРЯПКА², IV]; «Дружка не садится, стоит у печки [говорит]: «**Стряпушечка-матушка**, есть ноженьки, подойди, есть крылышки, подлети» [СТРЯПУШЕЧКА, V].

Непосредственно время праздника вместо запрещенной работы заполнялось игровым и развлекательным действиям, которым должны были предаваться члены общины. Разные праздники, накладываясь на климатические особенности годового цикла Сибири (да и России в целом), соотносились с различными развлечениями, имевшими иногда еще дохристианские корни. Почти для каждого большого праздника были характерны свои специфические увеселения, которые вписывались в общую схему праздничного поведения. Данная схема предусматривала, во-первых, посещение церкви⁴, во-вторых, хождение в гости или прием гостей как стержневые моменты праздника («Гуляют целую неделю, **по соседям ходят**» [СУСЕД, I]; «У всей родни гуляли, **пока всех не обойдут**. По всей родне когда **уже** прогуляют, тогда утихомирятся» [ПРОГУЛЯТЬ, IV]; «Раньше, опеть, пили рюмочками... В Пасху, в Рождество выпьем, кажный выпьет и опять **идёт в другу избу**» [ВЫПИТЬ, IV]; «Это раньше праздник подойдёт - Октябрьска. Не сидели в одном доме, как сейчас: до сшиба напьются, а **по гостям ходили**» [СШИБ • ДО СШИБА НАПИТЬСЯ, V]; «Гуляли по домам. Сёдня у меня посидели, потом едут к следующей, к подруге моей» [СЛЕДУЮЩИЙ, VII]. Особенно важен был этот момент для празднования престольных праздников, которые в сибирских старожильческих говорах Среднего Приобья красноречиво назвались «сезжими» или «сездными»: «Да, так и бывало: как токо праздник, так **со всех сторон и наезжают**. С окружных деревень» [ОКРУЖНЫЙ, VI]; «Ездили только в праздники сезжие. Раз в году. Вот Петров день двенадцатого июля и Веденьё четвёртого декабря - у нас в Вершинина были сезжи праздники» [СЪЕЗЖИЙ • СЪЕЗЖИЙ (СЪЕЗДНЫЙ) ПРАЗДНИК, VII]; «Девки, ребята **сезжались в гости**» [СЪЕЗЖАТЬСЯ, VII]; «На Петров день долго гуляли. Весело было. Сезжий праздник был. **Сезжались со всех деревень**. На Веденьё тоже с чужих деревень», «А Троицу [праздновать] **ездили в Косогоров'**, сездный был праздник, ну у нас то Веденьё, Крещение сездны были» [СЪЕЗЖИЙ • СЪЕЗЖИЙ (СЪЕЗДНЫЙ) ПРАЗДНИК, VI]; «Вот Ильин день к нам собираются, гуляют. Прогуляют два дни - и домой. **Что народу, миру сезжается!**» [ПРОГУЛЯТЬ, IV]).

Праздник был немислим без пения, часто под гармонь, которое в некоторые периоды литургического года, например Великий пост, было прямо недопустимо: «В масленку мяса [уже] не ели, только семь недель пост. Песни запоёт - Боже спаси! Нас как-то в

каталажку посадили за песни» [ПЕСНЯ, IV]; «Девушки брались за руки да с **песней по селу шли**» [БРАТЬСЯ, 1., VI]; «Ижля вот праздник был, так девки **пели**» [ИЖЛЯ, II]; «Девки всё, ребята, которые ходичи, **песни поют, круговы песни всяки-разны**» [ПЕСНЯ • КРУГОВАЯ ПЕСНЯ, VI]; «**Круговы песни запева**ли. Круг-то какой! Руки за руки ходят и ходят, аж сердце заливает» [КРУГ¹, 6., VII]; «**Песни поют погостынные**. Погостуйте, наши гости, погостуйте, дорогие» [ПОГОСТЫЮНЫЙ, V].

Большие праздники, которые зачастую отмечались не один день, имели и свои конкретные приметы. Так, масленица была связана прежде всего с катанием на лошадях по деревне и катанием на санках с гор: «В масленку **коней** запрягают и катаются. Впоперёк дороги пройти нельзя» [ВПОПЕРЁК, II]; «А на конях на масленке ездил, в воскресенье в корб до чёрта нас насбирается» [НАСБИРАТЬСЯ, I]; «Были праздники: гуляли, по улице **ездили** зимой на лошадях» [ЛОШАДЬ, VII]; «А тогда така мода была верхом. Со среды [на масленице] верхами бегают. Не ездят ребята-то в кошёвках, ну а **наперегонки**» [БЕГАТЬ ВЕРХАМИ, V]; «У нас там на масленке. Там с Яра они [кони] **бегут** километра четыре...» [С, СО, 2., VII]; «Да как масленка, дак и стар, и малы на кошёвках: оглобли уберут и поёр кататься» [ПОПЕРЕТЬ, 5., VII]; «На кошёвку эту как **насядут** и ребяташки, и стары» [РЕБЯТИШКИ, 2., VII]; «**Катушка** - это маленьки скатки для детей. На масленку на катушку пошёл», «В масленишну неделю с **катушек** катаются» [КАТУШКА, I]; «На масленицу **катушки** делачи. Расчищают сначала снег, потом воду на конях возют, возют. Гладко становится, скользко. **Лодок** ешио из дерева. Замораживали тоже» [ЛОДОК, VI]; «**Лоток** делачи: выдолбют, и ты его поливаешь, поливать. Ульёшь - и он склизтый, гладкий. И **КQZ** тится, шум стоит. Это на масленке было» [СКЛИЗТЫЙ, VI]; «И на **лотках** [катались] - это лотки-то делачи. Ну, делачи деревянные, вот сыры прямо или **Кедровы** сделают, или сосновы - прямо топором ветешут, как маленько вроде закруглено их, и потом их навозом, коровьим говном обмажут, а потом водой обольют. Они застынут. О-о, да как сядешь!» [ЛОТОК, VII] «Масленица - **катушка**, катались на Воскресенской горе, на санках катались» [САНКИ², 2., VI]; «Скоко миру было! Горка там, на той улице была, прямо с горы там и на реку укатывался. Ребята с девками катались. Кто с кем дружит. Катались на **катушках** с горы, на их катались» [ГОРА, VI]; «Соберутся народ расчистят **катушку**, ульют и катаются» [РАСЧИСТИТЬ, VII]; «Большим праздником была масленка. Целую неделю гуляли. Девки и ребята игры водили» [ВОДИТЬ ИГРЫ, V].

К пасхальной неделе в старожильческих деревнях парнями обязательно сооружались качели для молодежи: «Робята поставят козлы, качаются: всю как есть неделю **качались на качели**, играли в круги, ходили по деревне с песнями и с гармоней» [КАЧЕЛЬ, V]; «Такие толстые верёвки привяжут на слёгу, доску, плаху кладут. Человек шесть-семь сядут на **качели**, двое по краям. На Паску всегда такое было, парни

и девки качались», «На Паску на качелях качамся, бывало, целу неделю с гармошкой. [...] **А на качелях иииз бко любили качаться**» [КАЧЕЛИ, IV]; «У нас туту просто на берег собирались, а то **качельку весили**, большу качельку весили. Сразу человек двадцать садится», «У нас **качелька** называется. Ребятишкам весят, когда Паска бывает», «Качельки бывали. Мы ходили **на качельке качались**» [КАЧЕЛЬКА, I]; «Праздновали раньше хорошо. Придѣт Паска - девки гуляют, робяты поставют козлы, качаются. Всю как есть неделю **качались на качеле**. Играли в круги, ходили по деревне с песнями и гармоней» [ВЕСЬ (ВСЯ) КАК ЕСТЬ, V]; «На третий день молодѣжь **качается на качелях**» [КАЧАТЬСЯ, VII]; «Качели-то у нас тоже бывало вешали. А **взрослые**, где место выберут, **поставят козлы и качаются**. Козлы, стоят они связанные между собой, две ножки твёрдо стоят, с места не сшевельши, как козѣл стоит упрямый» [КОЗЛЫ, VIII].

Празднование Троицы отмечалось в первую очередь хороводом (в среднеобских говорах «коровод», «корогод», а также «круг» и «круги», «кружки») и завиванием девушками венка в лесу: «Ну, как праздновали. Как празднуют чечас? Весной устраивали, **корогодами играли** здесь. Иребята с девчонками тоже **в корогоде играли**» [КОРОГОД, V]; «У нас назывались **короводы**. Были мы. Ходят и поют», «Троица был праздник. Наедут молодѣжи, там они сами собой, **короводы**, гармошка» [КОРОВОД, I]; «В **круги играют** в праздник, венки светали убирают» [КРУГ • ИГРАТЬ В КРУГИ, I]; «Воскресенье [Иисуса Христа] справляли, **кружками играли**, поверья така была» [КРУЖОК • ИГРАТЬ КРУЖКАМИ, I]; «Ходили **кружками**, даже наш брат, женски, а девки особенно» [КРУЖОК • ХОДИТЬ КРУЖКАМИ, I]; «Раньше в двенадцать часов в воскресенье на горке девки в круг вставачи и ходили, **кругом ходили**, песни пели» [ГОРКА, VI]; «Съезжий праздник, круг. На этот круг собиралась молодѣжь, **кругом ходят**, поют, еишио были игры», «Не одна я така была, редко-редко кода девка замуж идѣт за того, с кем **на кругу ходила**» [ХОДИТЬ • ХОДИТЬ КРУГОМ, В КРУГ, VI]; «А кроме танцов никаких игров нету, а тода **кругом играли**» [ИГРАТЬ КРУГОМ, V]; «Он **ходил в круг** с девками. По кругу ходили, пели» [ДЕВКА, VI]; «Вот праздновали: девки, ребята **соберутся на круг**, там одно место, на коленки садятся, цалуются принародно» [САДИТЬСЯ, 1., VII]; «В Троицу, в четверг, идут **венки завивать** с гармоней, с песнями», «На Троицу девки в лес ходили, **венки завивали**», «Девушки **венки** гурьбой **завивали**. Куды замуж пойдѣшь - покажет» [ЗАВИВАТЬ ВЕНОК, V]; «Шли к речке, **бросали венки** в воду... Ежлив венки плывѣт и не тонет, значит девка эта замуж нонче выидет» [ЕЖЛИВ, V]; «**Венки** плетут на Троицу. **Завѣшь** его на берѣзке, потом его бросаем в воду», «Молодѣжь идут **венки завивать**. Со Светками идут на берег», «Из пихтовника плели венки, таки веночки плетут на голову. Ну, в Троицу **венки завивать**» [ВЕНОК, IV].

Специфика празднования дня Ивана-Купалы, не смотря на то, что он никогда не относился к большим

праздникам, до сих пор хорошо известна не только в деревне, но и в городах: «А Иван-Купача - да **наобливаются** все девки да парни, **хлюпаются**» [НАОБЛИВАТЬСЯ, V]; «Иван-Купала — берут вѣдра и **купают кого попало, веселятся**» [КУПАТЬ, VI], «Туда наберут воды и вот Иван-Купала **начерпает воды, грязю...**» [НАБРАТЬ, 1., VI]; «Ето уж как Иван-Купала, раньше были, так уж **купались** [обливались] **с ног до головы**, а сейчас без купанья холодно» [С НОГ ДО ГОЛОВЫ, VI]; «Завтра вот Иван-Купача. Только в тот день и **начинали купаться**. Счас-то раньше. А раньше этого двадцать пятого объявляют это там» [РАНЫШЕ, 4., VII].

В Петров день и в прочие значительные праздники летнего цикла празднующие перемещались за пределы деревни, на луга: «А вот летом - Петров день, так тогда выходили **на луга, прямо компаниями**» [ТАК, 8., VI]; «В праздник они **выходят на луг. Бегают в разлуки**: я с тобой, а ты со мной, нас разлучают, бегают, имают» [ИМАТЬ 1., I]; «**Парами** ауь **дют на Петров день**» [ПАРАМИ, VI]; «Ильин день проходил в церкви, **на улице**» [ПРОХОДИТЬ¹, П., VII]; «Северная гора: **гуляния** на ней проходили, Пасха. Масленица, катушка на Воскресенке проходили» [ПРОХОДИТЬ¹, 8., VII].

Весь праздничный цикл Рождества, Нового года и Крещения у русских старожилов Сибири, как и повсеместно в России, был связан в единое целое. Для этого периода были характерно появление ряженных (чаще называемых в Приобье «наряжунчиками», «слушальниками», «слушанниками», «шулюканами»), которые ходили по деревне с пеньем, с гармонью: «На Новый год **ряженные** были. По всей деревне ходили молодѣжь, и хороша одѣжа, и махорна, и в саже вымажутся» [МАХОРНЫЙ, VI]; «То они **[ряженные]** посеют, это, значит, кто пиенчики, кто овѣс посеет, поздравят с Новым годом, чтоб урожай был, то друго там всё» [ПОЗДРАВИТЬ, VII]; «На Новый год **ряженные**. Все перемажутся, грязны сами. Чѣ-нибудь оденут и всяки чуда выкомаривают» [ВЫКОМАРИВАТЬ, VI]; «От Нового года до Хреишенья **наряжунчики бегают**» [НАРЯЖУНЧИК, I]; «**Слушальники** на святках ходили, пели песни, плясали, с гармошкой. Еишио **ряжены** назывались», «В Новый год **слушальники**, сейчас - **замашкированы**», «Юбок пять едакими ступочками надеват с фонборой, кружевами. Красиво одеваются. Вот их зовут **слушальниками**» [СЛУШАЛЬНИК, I]; «Мы нарядились в Новый год, **слушальниками наряжаются** вот, слушальниками. Ну, вот наденем какую-нибудь юбку больше длинну материну или там чѣ-нибудь, горбишко сде^лам, лицо завешам чем-нибудь или сажей замажем, - ну, вот и пошли по деревне» [СЛУШАЛЬНИК, VI]; «Нет, у нас токо в Новый год были **ряжены**. Покойники, слушальники. **Слушальники**, значит, ну, тоже лицо закроет там, кто горку сделает, кто живот изделает, кто там галоши наденет, ну, зимой же, кто чѣ. Ну действительно, **слушальники**, они все ходили», «Из дому в дом ходили, но которы угощали, и вином даже этих **слушанников**» [СЛУШАЛЬНИК, СЛУШАННИК, VII]; «**Слушанники** были. Снаряжались.

Рождество. Ходили - пели», «Очень чудили, **снаряжались** ... Одна бабка нарядила кобылу, навязала венников, тут ужасно, что было» [СНАРЯЖАТЬСЯ², VII]; «И стары, все [ходят **ряжеными**]. И сажеей намажутся, и бяку всяку навешают» [СТАРЫЙ, 1., VII]; «Наряжали, одевали маски, называли **шулюкан**», «В святки **шулюкан оболокается**. Если в хор<> шу одёжу, то **ряженный**, а если махор какой страшной, то шулюкан», «А ежли худенький, махрюшки каки, пимишки драны да чирки на одну ногу, а пичишко на другу, шапку драчу идеват, рожу намазюкат, так то **шулюкины** зовут», «В Новый год бегали **шулюканы**, ворожили» [ШУЛЮКАН, I]; «В старо время **шулюканом** идевались. Там чё попало на себя идевали. Охотница я была до этого. Гармонисты приходят, садятся на лавку, а шулюканы пляшут» [ШУЛЮКАН, V]; «В Новый год люди **наряжались** в маску и белый хешат, так и ходили по улицам вместе с **шулюканами**» [ШУЛЮКАН, VI]; «**Наряжались** в Новый год. Наденут на себя махры и пошёл. Ходили по домам, к хозяевам» [МАХРЫ, 1., VI]; «**Наряжались** в Новый год. Покойниками наряжались, такие были маски, белы штаны», «Много у нас тут **наряжались**. Белы вот качёсоны, рубаха, маска специальна» [МАСКА, VII]; «А раньше у нас **машикароваться** ходили» [МАШКАРОВАТЬСЯ, II]; «Сошьём **плате** из марли. Плате крахмальное - вот наряд [новогодний]» [КРАХМАЛЬНЫЙ, 2., VI]; «У нас обрядов нет. **Обряды** только в святки, четырнадцатого января, по-старому. Брат у меня **наряжался** лошадей» [ОБРЯД, 2., VI]; «**Наряжались** в Новый год. Снарядятся кто солдатом, кто **маски надевал**, снаряженка называли» [СНАРЯЖЕНКА, II]; «**Шубы выворачивали** раньше, диковачи» [ДИКОВАТЬ, VIII]. Собственно говоря, во второй половине XX в. данная традиция не слишком радикально трансформировалась: «Новый год отправляли: **Дед-Мороз, Снегурка наряжаются**, из деревни в деревню ездют» [СНЕГУРКА, VII].

Крещение, ставившее своеобразный предел этому разгулу, отмечалось сооружением иордани - проруби, в которой святили воду и очищались от грехов (томскими словарями зафиксирован диалектный фразеологический оборот «окупывать грехи»), в том числе и связанных с праздничным переодеванием: «**Иордань** выдолбят, ребята купаются в другой пролуби, грехи окупавают» [ОКУПЫВАТЬ ГРЕХИ, V]; «Один мужик наряжался. И - в **пролубь, купался**. Воду святили, и он купался. Ведь наряжаться грешно. Вот он и грех скупач. А потом его в одеяло, тулуп и попрут» [ПРОЛУБЬ, ПРОЛЫБЬ, VII]; «Специально долбят такую **иордань**, а сверху така была загорожена деревянна. И вот находились, значит, туда, **купались...**» [ИОРДАНЬ, VII]; «**Иорданка** - это раньше иордань называли, Крещение было» [ИОРДАНКА, V]; «У церкви ирдань сделают и в ирдань падают. Один старик купался, пимы надеват, шубу, **икунётся** в ирдани, что помоеется», «**Ирдань** - это в Хрешиенье с иконами ходили на лёд», «Кто маску наденет, так великий грех ишитали... Так он в Хрешиенье **купался** в ирдани», «**Ирдань** — это пролубь на Хрешиенье. Когда маски надевали, при попах в ней и **купались**, чтоб

грех смыть. Это дурность была. А для рыбы прозлубь» [ИРДАНЬ, I]; «**Ирдань** - это сделают хрес и сделают такой-от глыбжины дыру» [ИРДАНЬ, II]; «Ходили молиться на **ердань**, святили воду, **купаться ходили к ердани**» [ЕРДАНЬ, I]; «**Ярдань** - пролубь. Курнулся три раза. Бязательно скупаться надо» [СКУПАТЬСЯ, V]; «В Хрещение ездили на **водосвятки**» [ВОДОСВЯТКИ, V].

Литургический круг крестьянского календаря включал некоторые праздники, связанные с дозволением **гадания, ворожбы** (более того, допускалось даже колдовство - для нечистых людей: «Когда святки были, как раз в это время начинала колдовать колдунья... Если захочет, киту поставит: глотку разнесёт, и человек может умереть» [ПОСТАВИТЬ, V]). Это время считалось наиболее благоприятным, чтобы узнать судьбу, в течение же остального времени подобное занятие было предосудительным. Материалы томских словарей связывают данные действия только с двумя праздничными периодами - Новым годом (святками) и днем Ивана-Купалы: «В Новый год, по-старому, **ворожат** Бегают, да шулюкают, да наряжаются» [ШУЛЮКАТЬ, II]; «**Гадали**, бегали под Новый год, под Крещенье. Выскочили мы с зеркалом у оврага. Как посыпали отсюда вот: отряд [колчаковцев] верхами. Мы - бежать» [ВЕРХАМИ, V]; «Под Новый год **гадали** - кольцо в воду опускали - кто вз^ муж выйдет» [ОПУСКАТЬ, VI]; «На Новый год всяг ко **гадали**. А потом дети пошли, како гаданье» [ГАДАНЬЕ, VII]; «Под Новый год **ворожат**. Кольца в стакан пускают, курицу с петушком выпускали - они говорили друг с другом» [ПУСКАТЬ, 6., VI]; «**Ворожили...** Курицу выпускачи в кольцо. А петух совсем ногой гребанёт, вобше, кольцо толкнёт — муж сурьёзный будет» [ГРЕБАНУТЬ, V]; «На Новый год. И в зеркачко глядела. Два зеркала, одно к стенке, в друго смотрится. Я сама **ворожейка**» [ВОРОЖЕЙКА¹, VII]; «И вот мне эта бабка Фектиста **ворожила** двумя зеркачами» [ВОРОЖИТЬ, VII]; «А девками были, **гадали** на старый Новый год. Бывало, девки спрашивали, как жениха зовут. Ночь-полночь прибегут к нам» [НОЧЬ-ПОЛНОЧЬ, V]; «На Новый год **ворожили**. Вот дорога. На дорогу ставили дугу. Три раза скрутишься и в дугу ползёшь» [СКРУТИТЬСЯ¹, V]; «И **гадали** на Новый год. Трёхугольный столик нагревали, чтобы гвоздка не было железна на ём, тоз ко на деревянных гвоздках» [ГВОЗДОК, VI]; «Еиши **пимы** через забор **кидали**. Откуль пим прилетит, оттуль приедет, может, кака моя судьба» [ПИМЫ, VII]; «Рождество тоже **гадали**. Люди гипнозные были» [ГИПНОЗНЫЙ, V]; «А как же? И **гадать гадали**, дело молодое. Волово топили, вылем в чашки» [ГАДАТЬ, VII]; «Цветок, раньше **ворожили** на Ивана-светошника: придёт ли жених. Кукушечник называли» [КУКУШЕЧНИК, II]; «Женихов **ворожили** под праздник» [ВОРОЖИТЬ, V]; «Как-то на Ивана Купала там чё-то и **загадывают кого-то**» [КОГО-ТО, VI]. Как правило, гадание и ворожба - элемент девичьего поведения, однако словарные материалы дают один контекст, связанный и с мужским гаданьем: «Под Новый год святки были, дрова воровали. Глаза зажмуря-

ют, притацут. Чьё тако полено? Если хорошее полено — невеста хорошая, если сукливое — плохая девушка» [ЗАЖМУРЯТЬ, V].

Кроме описанной выше системы развлечений, характерной для русского этноса в целом, в праздничное время в среднеобских селах существовали и некоторые менее известные развлечения и культовые действия (или реже — запреты на какие-то действия, не связанные непосредственно с работой: «В Ильин день купаться нельзя» [КУПАТЬСЯ, VI]). Но в силу их меньшей устойчивости в крестьянской традиции словарные контексты фиксируют данные прескрипции нечасто, например: «В Хрешиенье бега. Навозют бегунцов — конёв. Чей конь обежит» [БЕГУНЕЦ, I]; «Рождество пели, носили иконы на палках-то. под окошко поставят» [ПОД², 3., VII]; «Ну и нам [ряженым] ничё не подали, а гуляли мы всё время вместе. Ничё не подали. Подойдут под окошко, **подашь булку или полбулки** [когда славят в Рождество]» [ПОДАТЬ, 1., VII]; «В маслѣнку **столб ставили**, говорили: «Город ломать». На столб вешали какие-нибудь подарки, и их доставали, на столб лазили за ними» [МАСЛѢНКА¹, VI]; «Ну, **городок делали** зимой. Как раз на масленку... А как строви́и городок? На снег нальют водой, обольют это. Он замёрзнет. И такими вот брусками вырезают и окладывают вот... И городничего туда ещё поставят. Наверх человек, а потом снегом его эти... Стоят мужики четыре-три. Снегом в эти» [ГОРОДНИЧИЙ, V]; «Сороки святы. Даже **из пресного теста** [пекли птичек]. Лишь бы очередь отвести» [ОТВЕСТИ ОЧЕРЕДЬ, V]; «В Великий четверг [перед Пасхой] **четвережая соль** запекается в кулич» [ЧЕТВЕРЕЖНЫЙ, V]; «А в субботу **стряпат** [перед Пасхой]... Она как-то булочки **стряпат**, так булочки **стряпат дедушке-суседушке**. Вот: "Дедушка-суседушка! Попой мою скотинушку..."» [ДЕДУШКА-СУСЕДУШКА, VI].

* * *

Словари свидетельствуют о произошедшей к концу XX в. нивелировке прежде резко выраженной дихотомии праздников и будней. Даже в сфере сельского хозяйства повседневная работа стала менее напряженной физически, прерываясь регулярно выходными (чего не было даже в середине века: «Я **молотила** пять месяцев, без выходных», «Если б нам выходные были или отпуска как-то — **хоть отдохнуть**», «В колхозе **тридцать лет** работали, выходные не давали» [ВЫХОДНОЙ, VII]; «Сейчас люди **стоко** не работают, ходят обрядно, а раньше сутками работали» [СТОЛКО, СТОКО, 1., VII]). Но самое главное — работа перестала рассматриваться в традиционной культуре как безусловный нравственный приоритет, а в силу этого праздник превращается всего лишь в досуг — свободное время. Данный процесс был поддержан и идеологически обоснованной отменой религиозных праздников: «Никаки наши божьи праздники не празднуют» [ПРАЗДНИК¹, IV]; «Теперь уж праздники никто не праздничает», «Бывало, у людей-то раньше праздник был, всеобщее праздновали. А сейчас ты **праздничаете**, они **работают**» [ПРАЗДНИЧАТЬ, IV]; «Пасху **шесть дён** гуляли... А сейчас праздник не празд-

ник» [А, 1., VI]; «На Пасху уж не гуляем. А так если **пригласишь кого**» [ПАСКА, ПАСХА, 1..VII]; «Это вот до совхоза, **шшитай**, до шестидесятого года [праздновали Петров день]» [СОВХОЗ, VII]⁵ и соответствующих ритуалов: «Баушка **токо свечечки зажигат** к кресту, к Паске Христовой, — а мы уже около её!», «Она нас не принуждала, не заставляла [молиться], **токо свечечки зажигат**, а мы уж около её. Мы уж около её, пока свечечки не сгорят» [СВЕЧЕЧКА, VII]; «В Троицу хорошо было: коней **святили**, купали... Ну как коней **святили**? Кажный хозяин на своей лошади **подъезжает** к часовенке, ну и **поп** их — у его такая была, риза была, кадило — мочит в водичку **святую** и коней **брызгали**» [СВЯТИТЬ, VII].

В прошлом осталась и целостность комплекса праздничного поведения: исчезли такие неперенные атрибуты праздника, как развлечения молодежи (хороводы, качели, завивание венка, катание на лошадях, вечерки), ведь именно праздничный статус придавал этим действиям обязательность в глазах общины, распорядиться же досугом индивид волен самостоятельно. Разрушение миропорядка повлекло за собой недейственность и других прескрипций, например, о допустимости алкоголя только в праздничное время: «Нам **бражничать** некогда было, всё **кака-то работа** была» [БРАЖНИЧАТЬ, II]; «Складыню **каку** соберутся, выпьют, а мне некогда» [СКЛАДЫНЯ, I]; «Как **праздновачи**? **Напьются** да **подерутся**. Раньше праздник, а нынче в будни **напьются**» [ПРАЗДНИК, IV]; «Что вы, разве в рабочее время **пили раньше**? Мне **счас** и в голове не помещается» [ПОМЕЩАТЬСЯ • НЕ ПОМЕЩАТЬСЯ В ГОЛОВЕ, VIII]; «**Кольку-то** **нонче** от пьянки **лечить** удумали: **пьют**. Кака **работа?**» [ПЬЯНКА, IV]; «**Свиньи** же они нынче! **Привыкли пить**» [СВИНЬЯ, 2., VIII].

На целостности системы праздничных прескрипций сказался и уход обязательных периодов сдержанности — постов: «Анна **постничает**, **молится**. В старое время **каково** бы **наварили**, **боярыни мои**» [БОЯРЫНЯ МОЯ, V]; «**Шесть недель**, **однако** **посту** **быват**, а потом **розговни**» [РОЗГОВНИ, VII]; «**Раньше** во **пост** **Великой**, мы **скоромного** в рот не брали» [СКОРОМНЫЙ, VII], и достигнутый уровень жизни, который позволяет готовить (или покупать) небудничные лакомства намного чаще: «Какой **менинник** был — **праздновали**: **чѣ** за **праздник** — **ишь** **нечего**. А **счас** **каждый** **день** **праздник**» [ПРАЗДНИК³, IV]. Изменились и нормы поведения во время гостевания и застолья: «А **счас**, **счас** **если** **праздник** **какой**, **все** у **стола** **дети**. **Вот** **счас**, я **сама** **знаю**, **нашего** **разве** **отгонишь** **счас?**» [РАЗВЕ, 1., VI]; «К **празднику** **очень** **готовились**, **теперь** **хорошо** **вечера** **делают**, но не так. **Час** **вот** **все** **садаются** **за** **стол**, а **раньше** **конпанья** **30** **человек** **садится** **постепенно**. **Истайные** **опять** **уходят**, **много** **надо** **всего**: **беседков**, **тарелков**. **Беседки** **эти** — **стулья**, **диваны**, **столы**, **надо** **много**, **беседку** — **ну**, **табуретка**, **на** **котору** **садаются**» [БЕСЕДКА, II]. Но сохранившиеся звенья, пожалуй, передают дух бывшей системы: по-прежнему важна непосредственная подготовка к празднику (прежде всего забота об обновлении, очищении жилища: «Вот **два** **праздника** **раньше** **справляли**. **Так** **к** **этим** **праздникам** **так** **готовились!**» [ЭТОТ, 3., VI]; «В

колхозе всё уберём, управимся, потом стряпам, готовим, гулям дня два-три» [ПОТОМ, VII]; «Праздники подходят, жена дома управляется» [УПРАВЛЯТЬСЯ, I]; «Я к Паске как раз белила» [КАК РАЗ, VI]; «Стала к Пасхе убирать, белить, разулась да босиком бегала в сенки» [РАЗУВАТЬСЯ, VII]; «Дома матерушиши, как к празднику скрести — ох!.. Стены скоблили, полы скоблили» [СКОБЛИТЬ, I, VII]; «Половик — это на всю комнату дорожка, специально на гвоздики, которые со шляпками. К празднику половики снимут, полы вымоют и снова на гвоздики» [ПОЛОВИК, IV], смена или обновление одежды: «К празднику-то навалом [заказов]. Не каждому нашёшься. И платья цветочны были. Платья кашемировы два да по ём цветочки» [ЦВЕТОЧНЫЙ, V]; «У меня вот, например, платье будничное, а есть и праздничное одеть, куда на праздник пойти» [ПРАЗДНИЧНЫЙ, IV] и пищи: «К праздникам стряпаются, готовятся» [СТРЯПАТЬСЯ, VI]) и сами праздничные застолья и гостеванья: «Плясали. Мы раньше все праздники в году праздновали и плясали. Мы как дадим, так до поту» [ПОТ • ДО ПОТУ, VIII], «Кто пристал, не пристал - все поют и пляшут, токо шум стоит» [ПРИСТАТЬ, 3, VII].

Отметим также стремление именно к празднику приурочить награды, премии и подарки, которое сохраняется, несмотря на светский характер государства: «Редко женщина получала премии, а я не отставала от мужа. К Октябрьской он пятьдесят рублей

получил премию. Много хлеба высеял» [ВЫСЕЯТЬ, VI]; «Давали ему подарок к Дню Победы-то. Дали рубаху да шарф на шею. Он его сроду не носил. За это спасибо, дарёному коню в зубы не смотрят» [ПОДАРОК, IV], поздравления и новости от родных и знакомых: «Нынче прислали они где-то к Восьмому марту открытку» [МАРТ • ВОСЬМОЕ МАРТА, VII]; «Я ведь им [детям] всё помогала, а вот теперь п<>мочь кака. То бывало каждый праздник проздравительную шлют, а счас ничё» [ПРОЗДРАВИТЕЛЬНЫЙ, V]; «Сверхсрочной оставляли. Сто восемьдесят оклад клали. Три письма оттуду присылал, к каждому празднику» [СВЕРХСРОЧНЫЙ, VI].

Областной дескриптивный словарь как лингвокультурологический источник не только помогает смоделировать тот или иной фрагмент культурной традиции, но при этом придает ему объективность. Она основана на множественности, «коллективности» информантов, описывающих свой частный жизненный опыт, на «полифонии» голосов, снимающей субъективность прожитого. Этого достоинства нет даже в документальной записи того или иного обряда, ведь любая подобная запись фиксирует происходящее в конкретное время в конкретном месте, но сама культурная традиция варьирует во времени и в пространстве. Диалектный словарь обеспечивает адекватное понимание жизни нации, отраженной в языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ссылки организованы следующим образом: вначале указывается заголовок словарной статьи, следующая затем арабская цифра отмечает номер значения многозначного слова (у моносемичной единицы этой информации нет), римская цифра обозначает словарь.

2. Характерно мнение дореволюционного «Полного православного богослужебного энциклопедического словаря» о том, что в современной авторам русской деревне на первом месте праздники в честь того святого, которому посвящена деревенская часовня или приходская церковь. Этот праздник продолжается три дня, начинается обыкновенно с молебна. Из числа церковных праздников народ чествует такие, которые церковь скорее считает второстепенными. Таковы, например, Юрьев день, или великий Егорий (23 апреля), великий Николин день (9 мая), Иванов день или Иван-Купала (24 июня), Петров день (29 июля), Ильин день (20 июля) [10. С. 1882-1883].

3. Но если юбки, фартуки, платки, рубахи были и будничными, и праздничными («Будничина, [а] празничина по воскресеньям [косынка]. Не зарюсь, не покуаю цветных. Он полиняет, цветочки» [ЗАРИТЬСЯ, V]), то некоторые виды одежды имели строго рабочее функциональное назначение. Сошлемся на словарные статьи: ЧАМБАРЫ, ЧЕМБАРЫ, ЧЕНБАРЫ, ЧУМБАРЫ: Широкие рабочие шаровары из холста. «Холщовые чамбары одевали на охоту, на рыбалку». «Чембары носили мужики в лес ли промышлять, по шишки чембары носили», «Когда лес возят, чембары одеют, чтоб земля не засыпалась; они широки», «Ченбары, холье покупали, мешок складывают в два ряда, шинурок вёрнул. Он бродит [ловит рыбу 'броднем'] в них, работат», «Ченбары надевали, на рыбу поедут, на сено, сверх чирков или тмов оденут, и снег не засыпается» [I]; </Ченбары - токо пачкаться [носили], «А в будни ходили в чунбарах холщовых, из холста» [VII]; ЗАЧЕМБАРИТЬ: 2. Заправить под 'чембары'. «Холщовые сошьют чембары, как брюки широки. Шубу туда зачембарит, у него и шуба не пакостится, и аккуратный» [I]; ПОДЧЕМБАРИТЬСЯ, ПОДЧЕНБАРИТЬСЯ: Заправить полы одежды, них рубахи в 'чембары', ченбары'. ЛМ: чембары, ченбары. СМ: подпоясываться, подремениваться. «Подчембариться - в рубаху штаны. Чембары - штаны холщовые, на работу их надевали» [IV]; ШАБУР, ШИБУР, ШУБУР: Верхняя рабочая одежда домашнего производства из холста или полшерстяной ткани. «Шабур для работы», «Шубур широкий, долгий, чтоб тепле было. Одевали на шубу, сверху», «По деревням носили шубуры» [I]; ЧЕБУР: Устар. Рабочая одежда из дмотканной пряжи. «Чебуры - халаты сами пряжи» [V]; ШАРАБУРЧИК: Ласк. Рабочая верхняя одежда. «У меня токо шарабурчик был всегда» [V]; ПОНИТОК: Рабочий кафтан свободного покроя, сшитый из понитки. «Понитки мужичины носили долги. А женски — коротки, как жакетки. Носили их от дождя и холода» [I]; ПОНИТКА: Устар. Верхняя рабочая одежда из дмотканного материала. «И понитки носили. Как на работу надо, так понитку наденешь» [II]; ПОНИТКА, ПОНИТОК: Стар. Верхняя рабочая одежда из дмотканного материала. «Понитки - ношебна одежда, ну, значит, часто носят», «Пониток - сама последня одёжка» [VII]; БАХИЛЫ: Лёгкие рабочие сапоги. «Бахилы теплее сапогов, голяшки длиннее», «Бахилы выворотны бывають. Тонки они, с голяшками» [I]; БАХИЛЬЦЫ: Повседневная обувь с длинными голенищами, поднимаемая выше колен во время рыбной ловли. «В селе работал, бугалтерша тулуп не давала, а я в бахильцах был. Промёрз», «Сошьют бахильцы хорошеньки» [V]. Правда, в ПССГ и ВС из словарной статьи БАХИЛЫ уходит формулировка «рабочий»: Устар. «Старинные мужские кожаные сапоги кустарной работы». Что касается обуви в целом, то, например, в первой трети XX в. в среднеобских деревнях ботинки покупались девушкам редко и надевались в особых случаях: «До самого замужества ботинки мамы носила. И одёжу как? Мама починит чё, и носишь» [ЗАМУЖЕСТВО, VI]; «Босиками на работу ходим. Утром пошёл. Вечером дома... Никакой шерсти нет» [ШЕРСТИНА, V].

4. Иногда статус церковного праздника предполагал посещение кладбища. Из светских праздников эта традиция в России связывается с Днем Победы: «Миру было нынче на могилках! Немыслимо. Около кладбища всё машины, машины были — родительский день и совпало День Победы» [РОДИТЕЛЬСКИЙ • РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ, VII].

5. Эту же участь затем разделили и советские праздники: «Октябрьску раньше вечера делали обичие, а счас отменили» [ДЕЛАТЬ, VI].

ТОМСКИЕ СЛОВАРИ

I. (СРСГ) Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / Под ред. В.В. Папагиной. Т. 1-3. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964-1967.

II. (СРСГД) Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение)/Под ред. О.И. Блиновой, В.В. Папагиной. Т. 1-2. Томск, 1975.

III. (СП) Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977.

- IV. (МДС) Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья / Под ред. О.И. Блиновой. Т. 1-2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982-1983.
- V. (СС) Среднеобский словарь (Дополнение) / Под ред. В.В. Палагиной. Часть 1-2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983-1986.
- VI. (ПССГ) Полный словарь сибирского говора / Под ред. О.И. Блиновой. Т. 1-4. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992-1995.
- VII. (ВС) Вершининский словарь / Под ред. О.И. Блиновой. Т. 1-3. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998-2000.
- VIII. (СОС) Словарь образных слов и выражений народного говора / Под ред. О.И. Блиновой. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Немищенко Т.П.* К постановке проблемы «Язык как средство трансляции культуры» // Язык как средство трансляции культуры М 2000. С. 30-45.
2. *Русские* (Этносоциологические очерки). М., 1992
3. *Никитина С.Е.* Устная традиция в народной культуре русского населения Верхоямья // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982. С. 91-126.
4. *Бернштам Т.А.* Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX - нач. XX в.) // Этнические стереотипы поведения. М., 1985. С. 120-153.
5. *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - нач. XX в. М., 1988.
6. *Русские*. М., 1999.
7. *Жигульский К.* Праздник и культура. М., 1985.
8. *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М., 1991.
9. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы). М., 1997.
10. *Полный православный богословский энциклопедический словарь*. Т. 1-2. М., 1992.
11. *Калиткина Г.В.* Время праздника: сакральное и профанное (отражение лексики с темпоральным значением в томских областных словарях//Проблемы русистики. Томск, 2001. С. 123-134.
12. *Калиткина Г.В.* Сакральное и профанное время в календарном круге: Томские словари в лингвокультурологическом аспекте // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2001. С. 234-246.

Статья представлена кафедрой русского языка филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филология» 20 ноября 2002 г.